

Interlanguage Contacts of the German Settlers and the Peoples of Danube Region (1814-1940)

Natalia Golovina¹

Abstract: The article is devoted to the presentation of interlanguage contacts of the German settlers and the peoples of Danube region, reflected in some texts of German colonists of Bessarabia. The report presents the different thematic groups of loanwords in the language of the German settlers who lived in the territory of Southern Bessarabia. The culturological and etymological analysis of the internal forms of borrowing is used in their description. Literary sources of the investigated material are presented by the texts about the history of German colonies in Bessarabia in the period of 1814-1940, written by the German historians, ethnographers, sociologists and publicists. The results of the work have a theoretical value from linguistic and culturological standpoints and also may be interesting in teaching German.

Keywords: intercultural communication; borrowing; discourse; linguistic space; foreign language speech environment

История немцев Бессарабии берет свое начало от первых поселений на территории Буджака, которая занимает часть междуречья Дуная и Днестра, на востоке омывается Черным морем. Одной из главных особенностей этого региона была и остается многонациональность населения, что позволяет считать его одним из самых своеобразных регионов современной Украины в языковом, культурном и географическом отношениях. Важным историческим свидетельством полиэтничности Бессарабской области является, на наш взгляд, открытка из

Бессарабии 1856 года, в верхнем правом углу которой рядом с гербом

¹ PhD, Izmil State University for Humanities, Address: Riepina St., 12, Izmil, Odessa Oblast, Ucraina, 68601, Tel.: +380 4841 51388, Corresponding author: nbgolovina2012@mail.ru.

губернии написано, что население области состоит из молдаван, русских, греков, болгар, сербов, армян, татар, евреев, цыган и немецких колонистов.

Богатая история этого края в течение долгих веков накладывала свой отпечаток на языковое пространство его жителей, в дискурсе которых и сегодня отмечается присутствие лексики из турецкого, болгарского, татарского, румынского, гагаузского и многих других языков. С начала XIX и до середины XX века значительную часть населения Буджака составляли немецкие колонисты, которые несмотря на их желание сохранить свою культурную автономию в самом широком смысле этого слова, не смогли остаться в стороне от процесса языковых контактов с представителями других этносов.¹

Как известно, языковой контакт происходит в результате взаимодействия двух или более языков или их разновидностей. В ходе языковых контактов наблюдаются такие феномены как конвергенция языков (сближение или совпадение двух или нескольких языков), заимствование (процесс использования одним языком лексики другого языка), кальки (языковое копирование иноязычной лексики) и др. В современной лингвистике изучению языковых контактов уделяется особое внимание, о чем свидетельствуют отдельно созданные направления научных поисков по данной проблеме, наиболее популярными из которых являются такие парадигмы, как “контактная лингвистика” и “лингвистика языковых контактов” или “лингвистическая контактология”, изучающие процессы и результаты контактирования языков в конкретном геополитическом пространстве при определенных исторических и социальных условиях общения народов, этнических групп, этнических общностей, отдельных человеческих коллективов, говорящих на разных языках (Mechcovskaya, 2000, p. 12). С момента введения термина “языковой контакт” в обращение А. Мартине, после чего его впервые использовал У. Вайнрайх в своей книге “Языковые контакты” (“Languages in Contact”, New York, 1953), научная копилка результатов изучения феномена взаимопроникновения или “смешения языков” (термин Г. Шухардта) значительно пополнилась работами многих всемирно известных ученых, таких как: М. Бартоли, Р.А. Будагов, Л. А. Булаховский, В. Вартбург, Ю. А. Жлуктенко, В. Ю. Розенцвейг, Г. Пауль, А. Росетти, С. В. Семчинский, Б. А. Серебренников, Л. В. Щерба и др.

Одним из результатов межъязыковых контактов является двуязычие или билингвизм, характер которых зависит от типа языкового взаимоконтактирования, в процессе которого обнаруживается ряд целый ряд лингвистических явлений, в частности – заимствование лексики, калькирование, а также усвоение артикуляционных особенностей другого

¹ Взято с сайта: <https://ru.wikipedia.org>.

языка. Поскольку они являются применительно к языковым аспектам истории немецких колоний в Бессарабии (1814/1940) наиболее распространенными, рассмотрим более детально примеры их проявления в разных типах дискурса.

Период истории Бессарабии 1918-1940 гг., а вместе с ней и бессарабских немцев, обращает на себя особое внимание с точки зрения активного процесса билингвизма на придунайских территориях в значительной степени повлиявшего на формирование смешанного немецко-румынского институционального дискурса, где отмечается употребление двух языков в административной и образовательной коммуникативных сферах. Одним из таких примеров может служить история переименования колонии Альт-Постталь, первым названием которой следует считать немецкое *Württemberg*, связанное с фамилией известного рода Вюртембергов – хозяев королевства на юге Немецкой империи (нач. XIX ст.), откуда в Бессарабию в 1814-16 г. переселились лютеране-евангелисты – 140 семей крестьян и ремесленников (Gäkle, 1983, p. 28). В административных списках, которые изначально оформлялись на русском языке, немецкое название колонии было зафиксировано в несколько искаженном виде (очевидно, по причине восприятия немецкого *Württemberg* на слух, т.е. фонетической деформации базового слова) – *Vumtenберг*. Почти одновременно с этим названием появляется еще одно немецкое – *Alt-Posttal*, которое имеет народную этимологию, поскольку связано с рассказами старожилов о том, что когда-то давно на месте колонии стояла старая почта, служившая неким перевалочным пунктом по пути в Аккерман (совр. Белгород-Днестровский). Кроме этого названия существовало еще одно – *Borschtal*, по фамилии бывшего владельца земель – болгарина Борш (Gäkle, 1983, p. 33). В дальнейшем, когда по распоряжению российского императора все иностранные колонии подлежали переименованию с целью увековечения славных побед российской армии в войне 1812 года, немецкая колония *Württemberg*, *Vumtenберг*, *Borschtal*, *Alt-Posttal* получила официальное русское название *Малоярославец*, но поскольку к тому времени уже существовала ее дочерняя колония, то рядом с названием каждой из них был зафиксирован числовой индекс I и II. Несколько другим оказался подход к переименованию территориальных единиц юга Бессарабии со стороны румынской власти, которая предлагала свои названия, основываясь на географическом признаке того или другого поселения. Что касается немецкой колонии Малоярославец II, то она получила официальное румынское название *Malu-Mic* (Малый берег), а ее дочерняя – *Malu-Mare* (Большой Берег). Для большего удобства распознавания колоний в административных текстах в первое время после переименования колоний употреблялись сразу несколько названий: старые немецкие или русские, а также новые – румынские.

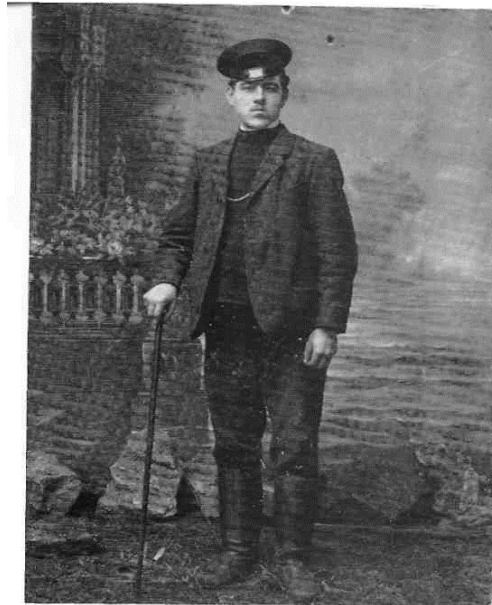

Staatsbürgerschaftsurkunde der Familie Eduard Seitz I (996) vom 18.11.1927

взято из: Herbert Gäckle “Geschichte der²⁰⁵
Gemeinde Alt-Posttal (Bessarabien)”. 3

двух языках – немецком и румынском, а вот во время проведения разных торжеств и школьных мероприятий, больших ученических и родительских сборов все говорили по-румынски, исполняли национальный гимн Румынии “Trăiască Regele”, пели песни или декламировали стихи. Среди самых известных и популярных стихотворений, которые дети учили на двух языках: *Luati seamă bine* (Nimmt gut acht); *Vine, vine primăvară* (Es kommt, es kommt der Frühling oder Komm, komm Frühling); *Hai Ileana, la poiana* (Ileana, laß uns gehen, in die Waldeslichtung); *Măi ciobane de la oi* (Mein Schäfer bei den Schafen); *Zefirul murmură* (Das sanfte Lüftchen säuselt); *Când am fost în țară mea* (Als ich in meinem Lande war); *Romănasul lui i place, sus la munte, sus la munte, la izvor* (Dem Rumänen gefällt es hoch auf dem Berge, hoch auf dem Berge, an der Quelle); *Vântul băte, iarnă vine* (Der Wind schlägt, der Winter kommt); *Moș srăciun cu plete albe* (Weihnachtsmann mit weißen Zöpfen); *Bătrinete, haine grele* (Alter, schwere Kleider); *Nistru, Nistru apă rece* (Dnjestr, Dnjestr kaltes Wasser); *Noi suntem cei chemați să apărăm muntii noastre cei frumoși* (Wir sind zu Gerufenen, um unsere schönen Berge zu beschützen) (Gäckle, 1983, p. 415).

Введение румынского языка в государственное и административное делопроизводство Бессарабии, согласно которому выдавались румынские паспорта, личные свидетельства и удостоверения, земельные сертификаты, разрешения на охоту, на право на наследство, договора на куплю-продажу и др., требовало от его жителей знаний румынского языка. В связи с этим, начиная с 1918 года, в программу обучения в немецких школах был введен румынский язык, который со временем стал основным языком преподавания всех школьных предметов. По свидетельству самих школьников, все песни и стихотворения они учили на

Samuel Enßlen (Aufnahme vor seiner Auswanderung nach Amerika 1910)

Следует отметить, что в этот исторический период билингвальный характер дискурса немецких колонистов отмечается не только в административной и образовательной сферах, но и во многих других, связанных с коммуникативной деятельностью человека, в т.ч. политической, экономической, коммерческой, научной, медицинской, ритуальной. Коммуникативное варьирование в период XIX – XX в. немецкого, русского, болгарского, еврейского, румынского и многих других языков становится одной из характерных особенностей регионального дискурса южной Бессарабии в целом. Коммуникативная актуальность каждого из языков определяется, прежде всего, типом социальных взаимоотношений участников дискурса и регулируется определенной жизненной ситуацией, в которой оказываются участники процесса общения. Отметим, что в дискурсе бессарабских немцев можно встретить множество забавных историй, когда, например, знание нескольких фраз или даже нескольких слов другого языка, помогало им заключить сделку, решить вопрос о продаже сельскохозяйственной продукции, совершить покупку на местном рынке, объясниться с иноязычным партнером – работником, поставщиком, извозчиком, узнать о новостях, иногда даже спасти свою жизнь.

Анализ разных тематических групп лексики в текстах бытийного дискурса немецких колонистов позволяет нам сделать вывод, что наиболее активным с точки зрения использования заимствованных слов является гастрономическая сфера, где широкое распространение получили названия традиционных блюд и напитков украинской, русской, болгарской и румынской кухни. Так, напр.,

слово *Borscht* является результатом транслитерации названия традиционного украинского блюда *борщ*, “который готовят из мелко нарезанной свеклы, капусты, моркови, лука и картофеля, а также различных приправ” (Melnichuk, 1982, p. 222). Слово *Malai* появляется в текстах, посвященных традициям кухни немецких колонистов в результате их активных контактов с румынским населением региона. Рум. *malau* означает “кукуруза”. Говорят, что в Румынии “малай” многолик: это может быть своего рода хлеб, пирог или бабка, т.е. запеканка, обязательно сладкая, но главное – в состав этого традиционного румынского блюда обязательно должна входить кукурузная мука. Из небольшого комментария немецких колонистов к иноязычному *Malai* мы узнаем, что данное название применялось для обозначения блюда из мамалыги, которую нарезали большими кусками и запекали на смальце (Gäkle, 1986, p. 385). Название кукурузной каши *Mamaliga* проявляет свою активность не только в немецких текстах гастрономического, но и фольклорного дискурса, поскольку выступает структурным элементом детской считалочки *Ehne, Ahna essa komma, Mamalig und Donkate* (Gäkle, 1986, p. 410) (букв., Дедушка, бабушка идут кушать мамалыгу с подливкой). По свидетельству разных источников современной лексикографии, точной этимологии слово *мамалыга* не имеет. Чаще всего его происхождение связывают с детским “лепетным” языком от слова *tata* в значении “еда”. В мегленорумынском языке зафиксировано слово *tatã* со значением “редкая каша”, от которого *tãmãligã* может быть производным. Традиционные блюда румынской кухни малай и мамалыга, которые стали неотъемлемой частью материально-предметной сферы немцев, одновременно стали частью их коммуникативно-дискурсивного пространства благодаря их коммуникативной актуальности в повседневной речи.

В немецких текстах бытийного дискурса можно обнаружить также немало заимствованных слов, связанных с названиями предметов одежды и обуви колонистов. Так, напр., слово *Sandalen* пришло в обиходную немецкую речь из греческого языка: *sandalion* – легкая, в основном на плоской подошве обувь, верхняя часть которой зафиксирована ремнем из кожи или прочной ткани; *Tschismi* является результатом калькирования болгарского слова *чизми* – “сапоги”. От своих русских соседей немцы позаимствовали некоторые названия верхней одежды, головных уборов, а также мелких деталей одежды, результатом калькирования которых являются, напр., *Schinell* – шинель, *Schapka* – шапка, *Schlapa* – шляпа, *Pojas* – пояс, *Pugoviza* – пуговица.

В свое время внешний вид немецких переселенцев-мужчин, которые направлялись к южно-западным территориям России, детально изобразил на своих ярких полотнах венгерский художник Штефан Егер, посвятивший теме дунайских переселенцев целый ряд работ под названием “Переселение немцев на Восток” (1906 г.): “Немцы носили треугольные клетчатые кепки, светлые рубашки с длинными рукавами, жилет, брюки до колен, синий, буро-коричневый пиджак или короткий

жакет серого цвета, светлые чулки и черную замшевую обувь на застежках” (Eberl, 1989, p. 214). Наши наблюдения за кардинальными изменениями в мужском ^{рис} костюме немецких переселенцев, которые прибыли на территорию Бессарабии дунайским путем, преодолев огромный водный путь на небольших не приспособленных для перевоза пассажиров на дальние расстояния деревянных судах под названием “Ульмские коробки”, привели к интересным находкам, связанным с названиями некоторых названий предметов их одежды. Прежде всего это касается головного убора, который по прибытию в степную зону, немцы сменили на бессарабский “калпак” (від тюр. *калпак* – шапка) – повседневный мужской высокий головной убор цилиндрической формы из каракуля. И несмотря на то, что этот традиционный для местных жителей предмет одежды получил у переселенцев свое новое немецкое название *Karakulmütze* (*Pelzmütze*, *Pelzkappe*), он также был известен как *Kalpak* в некоторых колониях, расположенных по соседству с поселениями болгарских колонистов.

Со временем гардероб немецких переселенцев пополнился и длинными брюками, которые мужчины Бессарабии того времени заправляли в невысокие сапоги – “чизми” (от рум. *cizma*, венг. *csizma*), название которых лягло в основу новой лексической единицы, образованной путем объединения заимствованного слова со словом немецкого языка *Hose* (брюки) *Tschismenhose*.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод о том, что результаты языковых контактов могут находить самые разные формы своего выражения в самых разных сферах человеческой деятельности. Независимо от способов и средств, при помощи которых происходит усвоение заимствований, межъязыковые связи не разрушая красоты и особенностей языка, активизируют ее лексическое и фразеологическое богатство. И если

всестороннее изучение межъязыковых контактов остается одним из важных вопросов современной теории лингвистики, то исследование феномена полиязыковой гармонии в Бессарабии представляется нам одной из наиболее актуальных тем для научного поиска.

References

Eberl, I. (1989). *Die Donauschwaben. Deutsche Siedlung in Südosteuropa. Ausstellungskatalog/ The Danube Swabians. German settlement in Southeast Europe. Exhibition catalog. Herausgegeben vom Innenministerium Baden-Württemberg. Bearbeitet in Gemeinschaft mit Horst Fassel, Hans Gehl, Konrad G. Gündisch* [u. a.]. – 2., überarb. u. erw. Aufl. Sigmaringen: Thorbecke. 328 p.

Gäkle, H. (1983). *Geschichte der Gemeinde Alt Posttal (Bessarabien)/Town History Old Postal (Bessarabia)*. Herausgegeben vom Alt-Posttaler Heimatausschuß zum 160. Jahrestag der Gründung der Gemeinde 1823-1983. 1028 S.

Mechkovskaya, N.B. (2000). *Социальная лингвистика/Social linguistics*. М.: АСПЕКТ ПРЕСС. 206 с.

Melnichuk, O.S. (1982). *Етимологічний словник української мови/Dictionary of Ukrainian language* (В 7 т.)/АН УРСР. О. С. Мельничук (головний ред.) К.: Наукова думка. Т. 1-5.